

УДК: 141.32

Шаев Юрий Михайлович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры исторических
и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии,
Пятигорский государственный университет
existentia20065@yandex.ru

Yury M. Shaev

associate professor, chair of historical
and socio-philosophical studies, oriental studies and theology,
Pyatigorsk State University
existentia20065@yandex.ru

**ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ И КРИЗИС СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ:
АНТИНОМИИ СИНГУЛЯРНОСТИ¹**

**INTERNET OF THINGS AND CRISIS OF SOCIAL INTERACTIONS:
SINGULARITY ANTINOMY**

***Аннотация.** В статье анализируются вопросы влияния информационных технологий, сетевых технологий и Интернета вещей на социальные взаимодействия. Автор рассматривает некоторые аспекты современного состояния развития информационных технологий и Интернета вещей, его промышленного и потребительского секторов. В связи с распространением искусственного интеллекта и технологии Интернета вещей многие социальные взаимодействия претерпевают значительные трансформации: сфера трудовых отношений, повседневных взаимодействий и практик, социально-политического участия. В изменяющемся под воздействием информационных технологий мире усиливается социальная сингуляризация, наряду с системными трансформациями социума это может в будущем привести к возврату к идее социальной сингулярности как социальной данности и объяснительному принципу социальных взаимодействий.*

***Ключевые слова:** информационные технологии, виртуализация, социальные интеракции, человек, Интернет вещей, сингулярность.*

***Summary.** The article analyzes the issues of the influence of information technologies, network technologies and the Internet of things on social interactions. The author examines some aspects of the current level of development of information technology and the Internet of things, its business and consumer sectors. In connection with the spread of artificial intelligence and the Internet of Things technology, many social interactions are undergoing social*

¹ Работа выполнена в рамках Гранта Президента РФ. Проект МК-6507.2018.6 «Интернет вещей в контексте трансгуманизма: анализ онтологических оснований»

transformations: the sphere of labor relations, everyday interactions and practices, social and political processes. In the changing world under the influence of information technologies, social singularization is intensifying, along with the systematic transformations of society, in the future this may cause a return to the idea of social singularity as a social reality and the explanatory principle of social interactions.

Keywords: *information technologies, virtualization, social interactions, human, Internet of things, singularity.*

Информационные технологии являются сферой, которая опережает в своем развитии многие области современной жизни. Особенно динамично развиваются сетевые технологии, благодаря которым возможна существенная трансформация не только технологических процессов, повседневных практик, но и в целом, жизненного пространства в аспектах социальных, политических, эстетических.

Интернет вещей является одной из самых перспективных и динамично развивающихся технологий в рамках информационного пространства. Кроме того, Интернет вещей сейчас представляет собой особый социотехнический феномен, показывающий, каким образом может быть достигнуто единство технологий и человека (в различных его проявлениях, начиная от телесно-физиологических, и кончая социально-экономическими и политическими).

Интернет вещей предполагает концепцию сети устройств, связанных и взаимодействующих посредством сети Интернет. Развитие Интернета вещей связано с унификацией протоколов обмена данными с тем, чтобы осуществить возможность подключения и взаимодействия самых различных устройств. Устройства в рамках Интернета вещей взаимодействуют в автоматическом режиме, регулируя свою работу в зависимости от поступающей информации. Часто, «вещи» в рамках Интернета вещей представляют собой устройства, предполагающие наличие искусственного интеллекта в той или иной мере, который регулирует работу данных устройств, не зря в последнее время говорят об «умных» устройствах и технологиях, которые используются в различных сферах. Технологии Интернета вещей активно используются в промышленности, где происходит автоматизация многих процессов и функций, вплоть до задач управления и контроля, традиционно выполнявшихся человеком долгое время.

Помимо промышленного применения, технологии Интернета вещей используются в потребительском секторе в широком спектре повседневных практик. Так, реальностью становятся «умные дома» с возможностью автоматического контроля микроклимата, отопления, системами освещения и ориентацией на конкретного человека, использующего устройства умного дома, умной бытовой техники (например, умного холодильника, который может отслеживать запас и процесс потребления продуктов и заказывать продукты посредством сети Интернет напрямую из магазинов), различные устройства для контроля состояния здоровья человека и поддержания его

нормального функционирования (фитнес-браслеты и другие подобные гаджеты). Кроме того, использование данной технологии в перспективе предполагает «внедрение» элементов искусственного интеллекта в максимально широкий спектр вещей, вплоть до предметов обихода и превращение всего доступного человеку материального мира в компьютерные вычислительные мощности, в рамках которых каждый объект имеет свой электронный адрес и может взаимодействовать с другими. Как считают некоторые специалисты, технологическое развитие движется в направлении создания умной или цифровой Вселенной [3, с. 36-38]. Дальнейшее же развитие приведет человечество по мысли трансгуманистически настроенных теоретиков к точке сингулярности – тесному единству человека и технологий. Каким образом это будет достигнуто пока еще неясно: на основе трансформации тела человека или создания универсума компьютеров, функционирующих на базе любых физических объектов с возможностью перенесения сознания человека на другие искусственно созданные «носители». Сейчас же, по мнению специалистов, технологии Интернета вещей являются одними из главных движущих сил четвертой технологической революции [2]. Как представляется, Интернет вещей способен не только изменить экономико-технологические процессы, но и оказать самое существенное влияние на социальные взаимодействия и на рефлексивное самоопределение современного человека, его видение самого себя в мире цифровых технологий.

Нужно сказать, что авторы, занимающиеся проблемами Интернета вещей, по-разному видят социальные трансформации, связанные с активным внедрением Интернета вещей и цифровых технологий в аспекте их влияния на социальную действительность. В основном, опасности и негативные стороны распространения технологии Интернета вещей видятся в аспектах замещения роботами и технологиями человеческого труда и трудовых функций, в связи с чем могут возникнуть социальные проблемы, связанные с необходимостью сокращения большого количества сотрудников, исчезновения целых профессий и необходимостью разработки схем профессиональной переподготовки имеющихся кадров в условиях быстро развивающихся технологий [3, с. 44]. Действительно, даже сейчас применяемые технологии Интернета вещей способны значительно изменять производство товаров и предоставление услуг, перестраивать технологические цепочки на производстве и в сфере контроля качества. В области последнего сейчас уже достаточно широко используются системы, позволяющие использовать алгоритмы предсказательной аналитики и прогнозировать потенциальные проблемы в области транспорта и пассажиропотока, безопасности в крупных мегаполисах, бесперебойной работы сложных технических устройств и технологических систем.

Не меньшие опасения вызывает и проблема исчезающей возможности выбора (товаров, аспектов повседневных практик), которая актуализируется в связи с распространением интеллектуальных технологий, предсказательной

аналитики [4, с. 237]. В ближайшем будущем за человека могут осуществлять выбор умный холодильник, бытовая техника, автомобиль с функцией автопилота. Здесь мы видим нивелирование одной из важнейших интенций человека – интенции контроля, которая тесно связана с выбором (в различных жизненных ситуациях). Феноменологически анализируя утрату интенции контроля, можно предположить, что это будет создавать экзистенциальные трудности для человека, ведь исторически, контроль являлся важнейшей частью человеческой сущности, проявляясь в повседневности как возможность воздействовать на свою жизнь и обстоятельства (в возможных пределах, конечно), обретая свое бытие в превращенной форме – форме политической власти, идейного влияния. Сейчас же, в эпоху развития искусственного интеллекта и технологий Интернета вещей человек все больше вытесняется из областей, предполагающих функции контроля. В повседневных практиках яркий тому пример – беспилотные автомобили и бытовая техника, осуществляющая саморегуляцию и принятие решений (пока в известных пределах). Возможно в будущем, развитие сетевых технологий и искусственного интеллекта дойдет до таких масштабов, что машины начнут выполнять функции администрирования и управления социально-экономическими процессами, а возможно и некоторые политические решения будут приниматься с помощью искусственного интеллекта – своеобразный триумф «системы» над «жизненным миром» в рамках социально-философской логики Ю. Хабермаса [5].

В этой ситуации актуализируется еще одна социальная проблема: снижается роль конкретного исполнителя или руководителя, занимающего определенную социальную позицию в структуре управления – не так важно кто именно занимает данную социальную позицию, важны выполняемые функции в рамках системы. Понятно, что в ряде случаев искусственный интеллект будет выполнять управленческие или текущие задачи лучше и быстрее человека, поэтому роль последнего заметно снижается. Пока не вполне ясно, вытеснит ли полностью искусственный интеллект человека в области стратегического управления (в областях бизнес-менеджмента или даже высшего политического управления), но в развитых странах вполне заметна тенденция «казуализации власти», в рамках которой политические лидеры отказываются от семиотизации своей позиции и себя лично в пространстве социальных интеракций: так, многие европейские лидеры не пользуются охраной, не используют для передвижения специальные кортежи (предпочитая общественный транспорт и велосипед). Данные явления симптоматичны в том плане, что вместе с нивелированием самопрезентации властно-административных функций управленческая подсистема общества как бы растворяется в социальных практиках, становится одной из них, и в этом отношении распространение искусственного интеллекта в областях, связанных с принятием политических и административных решений и регулирования общественной жизни может стать «естественным» процессом.

Как представляется, социальная атомизация может усилиться, так как может быть нивелирована интенция единения через социально-идеологические механизмы причастности индивида к политическим идеям или личности конкретного политика, возможно, что вслед за исчезновением великих европейских романтизированных теоретических ориентиров, связанных с идеями переустройства общества, о которых говорил Ю. Хабермас [6], общество ждет закат значимых политических деятелей как репрезентаторов идей и носителей не только разумного, но и эмоционально-волевого начала. Социальная действительность в этих условиях будет функционировать словно без наличия политической надстройки, что в принципе, согласуется с известной максимой менеджмента о качественном управлении – управлении которого, фактически не замечают. Казуализация властно-административных процессов может еще более усилить атомизацию индивидов через укрепление интенций и настроения на потребительский тип социальных ожиданий – индивиды прежде всего уверены и рассчитывают на то, что социальная система будет действовать в их интересах, обеспечивая качество жизни и для этого не требуется каких-то особых усилий, связанных с артикуляцией, репрезентацией и, возможно, защитой своих интересов в социальном пространстве повседневности. С этой проблематикой смыкается проблема биополитики и биополитических стратегий политической власти, которые начали описывать еще Х. Арендт [7, с. 317-323], М. Фуко [8], Дж. Агамбен [9]. В рамках биополитических стратегий видоизменяется дискурс власти – вместо традиционных ориентаций на политические лозунги, программы, которые могут быть приняты, либо отвергнуты избирателями или населением в целом (в зависимости от форм и характера политического участия), власть действует через аспекты, связанные с биологическими и даже телесными аспектами человеческой жизни и различными способами ее регуляции (яркие примеры приводил М. Фуко, анализирувавший устройство и распорядок школ, больниц, тюрем). В современном обществе информационных технологий открывается все больше возможностей для биополитических механизмов регулирования, которые могут быть связаны, например, с воздействием через электронные мобильные гаджеты, которые имеются у подавляющего большинства людей, с использованием механизмов и технологий «мягкого» воздействия, разработанных в рамках маркетинга и рекламы. Так, например, распространены сервисы, предоставляющие различные государственные услуги, дающие возможность воспользоваться регистрационными процедурами и т.п. Здесь, помимо биополитических интенций заметна смена способа семиотического позиционирования государственных органов – вместо того, чтобы посещать специальные учреждения, индивиду достаточно воспользоваться мобильным приложением для решения документационных вопросов (пока, разумеется не в полном объеме – ряд процедур требует личного визита в государственное учреждение). Более того, у индивида может формироваться убеждение, что государственные структуры работают именно для него, решают персонально его проблемы напрямую, без ряда социальных интеракций, которые ранее он

совершал (например, личный визит, необходимость стоять в очереди, присутствие в семиотизированном и репрезентирующем власть учреждении). Эти обстоятельства могут усиливать атомарность в социальном плане, в определенной мере человек убежден, что именно он пресонально взаимодействует с государством в рамках «сервисной» модели обслуживания и для этого ему вовсе незначительно осуществлять ряд социальных интеракций или быть причастным к некой социальной группе.

В этой сложной диалектической ситуации возможно постепенное размывание не только идентичности, человеческого «Я», которое теперь становится полем маркетинговых или биополитических манипуляций (вполне реальное, доступное наблюдению даже обывателя, а не только отвлеченным опытом мысли теоретиков, например, в рамках традиции постмодернизма [10, с. 404), но и утрата субъектности как принципа объяснения функционирования общества и социальных отношений, прежде всего в сфере обыденности и применительно к обыденному сознанию, которое достаточно инертно и часто склонно использовать устаревшие конструкты для описания доступной наблюдению действительности. Нужно сказать, что сведение социальных процессов к субъектности, субъекту как принципу описания его бытия давно потеряло актуальность, само понятие субъекта было характерно для социальных построений теоретиков XVIII века, сейчас же распространены различные коммуникативно-сетевые теории [11], [12] [13], рассматривающие общество и общественные институты в качестве систем коммуникации и взаимодействий, причем индивид мыслится все чаще как некая точка или узел социальных интеракций, который не является ее основой. Распространение информационных технологий, технологий Интернета вещей, которые все больше исключают человека из социальных интеракций может приводить к убежденности массового сознания в том, что человек «не контролирует» свой социальный мир, не является больше принципом социального «мироустройства». Такая убежденность во многом может способствовать усилению готовности к дальнейшему развитию технологий, которые будут исключать человека из сетей социального взаимодействия (в плане социальной сингулярности, человека как значимого элемента сетей социального взаимодействия). Таким образом, Интернет вещей и информационные технологии усиливают «ощущение отсутствия» социальной сингулярности в рамках социального пространства, сюда же можно отнести известную проблему отчуждения в ее различных вариациях.

С другой стороны, развитие некоторых технологий может в будущем усиливать тенденции сингуляризации социального измерения бытия человека. Речь идет, прежде всего, о технологиях 3-D принтинга. Уже сейчас 3-D принтеры, благодаря которым можно создавать практически любые, сколь угодно сложные объекты в достаточно короткие сроки, выходят за пределы применимости в промышленном секторе и начинают активно применяться в быту, в области художественного и конструкторского творчества (а некоторые разработки, например, применение моделей 3-D

принтинга в медицине обладают революционным потенциалом). В обозримом будущем, практически каждый человек, репрезентирующий средний класс, сможет приобрести такой принтер или принтеры в качестве бытовой техники и использовать в повседневных нуждах. С помощью 3-D принтера можно конструировать и создавать объекты, в том числе, мебель, элементы одежды, устройства, то есть, в ближайшем будущем практически весь материальный мир. В этих условиях традиционное промышленное производство товаров будет изменяться, возможно исчезновение или трансформация целых отраслей, снижение зависимости человека от массового производства товаров (многие из которых можно будет произвести самостоятельно). Массовое же промышленное производство, как мы знаем, во многом создавало контуры социального ландшафта, достаточно вспомнить работы М. Фуко, посвященные анализу системы образования, которая сформировалась под влиянием промышленной революции и ориентации на массовое производство [14], [15], и сами социальные практики оказались изоморфны конвейерному массовому типу функционирования. Распространение 3-D печати в определенной мере будет означать возможность конструирования собственных локусов повседневности и усилению независимости индивида (некоторые теоретики говорят даже о возможности применения технологий 3-D печати в домашних условиях в медицинских целях). Такие перспективы соотносимы с усилением социальной сингулярности и возвращением в определенном смысле к категории «субъекта» как создателя социального пространства, разумеется не в полной мере (как то было у Т. Гоббса и авторов теории общественного договора), а в аспекте конструирования локальных социальных пространств. Возможно, что социальная философия будущего общества вынуждена будет оперировать конструктами, в которых отражаются локально-социальные проявления бытия, да и сами теоретические построения будут учитывать субъектность как некую герменевтическую перспективу описания социальных интеракций и социума. Вообще, как отмечают исследователи, убежденность в причастности к устойчивой социальной стратификационной группе в современных социальных реалиях ослабевает, как и уверенность в «онтологичности» самой этой группы [16, с. 34-40]. Сейчас, городской житель может с трудом причислить себя к одной социально-стратификационной группе: он может быть представителем интеллектуального труда, в свободное время заниматься музыкой или играть на фондовых рынках. Что касается уровня доходов, то здесь вообще сложно выстраивать однозначные корреляции – индивид, занимающийся одной из креативных профессий с использованием Интернет-технологий может получать доход, сравнимый и превышающий доход бизнесмена или государственного служащего, причем доходы в ряде сфер (например, интернет блоггинг или модельный бизнес, продвижение личного бренда) могут быть совершенно не связаны с уровнем образования, опытом и другими факторами, традиционно играющими роль в логике социального

стратифицирования (в рамках которой, например, хорошее дорогостоящее образование гарантирует высокооплачиваемую работу и карьерный рост).

Стоит сказать о проблеме трансформации социальных практик современного человека, который живет в социотехнической реальности, где границы реального и виртуального миров оказываются весьма зыбкими. Все чаще современный житель мегаполиса взаимодействует с безликим информационным универсумом, число контактов с другими индивидами в ряде случаев и видов профессиональной деятельности может существенно снижаться (да и в бытовых аспектах сейчас можно решить практически все бытовые проблемы, не выходя из дома и используя различные Интернет-сервисы). Кроме того, ряд функций, ранее предполагавших непосредственный социальный контакт, за человека выполняют различные компьютерные системы. В этом плане, традиционные типы социальной интеракции претерпевают серьезные изменения, возможно, через несколько лет мы будем иметь дело с совершенно иным социальным бытием, в рамках которого будет возрастать социальная атомизация (как диалектическая антитеза технологической сингулярности), появление гибридных социально-машинных практик, усиление роли человекообразных роботов-андроидов (использование которых сейчас набирает популярность). Возможно появление проблемы статуса андроидов как специфического социотехнического и более того, бытийственного явления, ведь в настоящее время ведутся активные разработки путей внедрения и совершенствования искусственного интеллекта (с учетом принципов нейровычислений и самообучения), который бы мог функционировать в рамках «тела» андроида.

В этом плане, в будущем возможна актуализация проблем социально-онтологического статуса андроида (дилемма «инструментальность/субъектность»), правовой регуляции использования искусственного интеллекта, трансформации эстетики «цифровой повседневности». Данная проблематика, как представляется, может оказаться весьма актуальной, в особенности, с социально-правовой точки зрения. Речь идет о статусе андроидов и правовых аспектах их присутствия в социальном пространстве. Кроме того, современный человек не всегда может видеть в андроиде «Другого», как выражались представители философских версий герменевтики [17], [18], часто андроиды рассматриваются как средство решения различных проблем и почти никогда – в виде субъекта, с которым в будущем, возможно, придется выстраивать взаимодействие. В ближайшие десятилетия возможно обострение данной проблемы в силу того, что не только интеллектуальные возможности андроидов будут значительно развиты, но и внешний облик будет приближен к человеческому, и может встать вопрос о субъектности андроида (в самых разнообразных измерениях).

Итак, влияние развития информационных технологий и Интернета вещей на социальные процессы многогранно, технологии не только и не столько видоизменяют социальные, экономические и даже, в перспективе, политические практики, но и оказывают воздействие на пласт повседневных взаимодействий. На пути движения к сингулярности, связанной с единством

человека и технологий общество сталкивается с симптомами социальной сингуляризации, которые весьма неоднозначны: с одной стороны социальные процессы и интеракции следуют логике системного развития единства, с другой же стороны – набирают силу процессы, связанные с «поворотом» социальных практик к самому субъекту как актору и объяснительному принципу. Социальные практики будущего, возможно будут в значительной степени ориентированы на субъектные паттерны, а социальная теория будет учитывать социальную сингулярность как некую герменевтическую перспективу.

Литература:

1) Чеклецов В.В. *Интеробъектная «магия» и метафора в социоматериальности Интернета вещей // European science. 2015. № 6(7). С. 36-38.*

2) *The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce strategy for The Fourth Industrial Revolution : report [Электронный ресурс]. 2016. January. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf (дата обращения: 19.12.2018).*

3) Маркеева А.В. *Интернет вещей (IoT): возможности и угрозы для современных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 42-46.*

4) Маркеева А.В. *Социальные последствия развития Интернета вещей (IoT) // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 2. С. 236-240.*

5) Хабермас Ю. *Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // Thesis. 1993. Вып.2. С.123-136.*

6) Хабермас *Кризис государства благосостояния // Хабермас Ю. Избранные политические работы. М.: Практикс, 2005. С.87-113.*

7) Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.*

8) Фуко М. *Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.*

9) Агамбен Дж. *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.*

10) Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1977. 408 с.*

11) Парсонс Т. *Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.*

12) Луман Н. *Общество как социальная система (Общество общества Ч.1). М.: Логос, 2004. 232 с.*

13) Латур Б. *Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.*

14) Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.*

15) Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2. М.: Практикс, 2005. 320 с.*

16) Иванов Д.В. *Виртуализация общества*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.

17) Гадамер Х.Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*: пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

18) Рикер П. *Я-сам как другой*. Пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.

Literature:

1) Chekletsov V.V. *Interobjektnaya "magic" and a metaphor in a sotsiomaterialnost of the Internet of things*//European science. 2015. No. 6(7). Page 36-38.

2) *The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce strategy for The Fourth Industrial Revolution: report* [Electronic resource]. 2016. January. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf (date of the address: 19.12.2018).

3) Markeeva A.V. *Internet of prophetic (IoT): opportunities and threats for the modern organizations*//Society: sociology, psychology, pedagogics. 2016. No. 2. Page 42-46.

4) Markeeva A.V. *Social consequences of development of the Internet of prophetic (IoT)*//Modern information technologies and IT education. 2016. T. 12. No. 2. Page 236-240.

5) Habermas Yu. *The relations between a system and the vital world in the conditions of late capitalism*//Thesis. 1993. Issue 2. Page 123-136.

6) Habermas *Krizis of the state of welfare*//Habermas Yu. *Chosen political works*. M.: Praksis, 2005. Page 87-113.

7) Арендт Х. *Vita activa, or About active life*. SPb.: Алетейя, 2000. 347 pages.

8) Foucault M. *Biopolitical birth: a course of lectures, read in Collège de France in 1978-1979 academic year*. SPb.: Science, 2010. 448 pages.

9) Agamben J. *Homo sacer. Sovereign power and naked life*. M.: Europe, 2011. 256 pages.

10) Foucault M. *Words and things. Archeology of the humanities*. SPb.: Acad, 1977. 408 pages.

11) Parsons T. *System of modern societies*. M.: Aspect Press, 1998. 270 pages.

12) Luman N. *society as social system (Society of society Ch.I)*. M.: Lagos, 2004. 232 pages.

13) Latur B. *Peresborka of social. Introduction to the aktorno-network theory*. M.: Prod. house of the Higher school of an ekoknomika, 2014. 384 pages.

14) Foucault M. *To supervise and punish. Birth of prison*. M.: Ad Marginem, 1999. 480 pages.

15) Foucault M. *Intellectuals and power: Chosen political articles, performances and interview. Part 2*. M.: Praksis, 2005. 320 pages.

16) Ivanov D.V. *Virtualization of society*. SPb.: St. Petersburg oriental studies, 2000. 96 pages.

17) *Gadamer H.G. Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics: the lane with it. M.: Progress, 1988. 704 pages.*

18) *Riker P. Ya-@ as another. The lane with fr. M.: Publishing house of humanitarian literature, 2008. 416 pages.*